

УДК 947 (571) + 340.01 (09)

И.Г. АДОТЬЕВА

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: adoinessa@yandex.ru

В статье освещается роль официальной и неофициальной периодической печати Западной Сибири как фактора взаимодействия местного общества и судебной власти. Показано, что пресса придавала этой коммуникации разнонаправленный характер. Выявлены отличительные черты, адресаты и адресанты публикаций, посвященных судебной власти. Определены цели, которые ставили перед собой участники коммуникации (доведение до местного населения информации об отправлении правосудия и объяснение его недостатков, а также правовое просвещение и воспитание). Прослежена эволюция взаимодействия через печать общества и судебной власти, связанная с реформами в сфере юстиции.

Ключевые слова: коммуникация, судебная власть, модернизация, юристы, гражданское общество, Западная Сибирь.

Коммуникации власти и общества представляют собой вид гражданской практики, демонстрирующей степень готовности сторон к конструктивному взаимодействию. Диалог населения с судебной властью приобретает особое значение в период модернизации. Изменения в различных сферах не проходят бесследно для общества, они часто воспринимаются и переживаются болезненно, приводя к возникновению конфликтов. Происходит усложнение правоотношений, включение в них ситуаций, ранее не попадавших в правовое поле или разрешаемых обычным правом. Эти противоречия призвана решать судебная власть, с которой обыватели вступают в коммуникацию. Возможность этого взаимодействия официальными и неофициальными путями (но в рамках закона) – один из показателей развитости гражданского общества.

С усложнением социальных, экономических и государственных отношений пресса доносит до общества огромный объем информации. В рассматриваемый период печать превращается в фактор, влияющий на общественное сознание. Понимание современниками значимости газет и журналов проявлялось в обширном спектре обсуждаемых проблем, использовании печатного слова для проведения публичной дискуссии. Пресса стала сознательно использоваться в качестве способа построения коммуникации как внутри общества, так и между социумом и властью [1].

Вопросы коммуникации власти и общества получили наиболее детальное освещение в зарубежных исследованиях, что вызвано имеющимися в западной гуманитаристике методологическими ориентирами. В. Шперлинг выстроил модель коммуникации крестьянства и местной администрации России, получившей название «торг с властью» – как вариант проявления

разных типов политико-правового сознания представителей управления и сельских жителей [2, с. 152–168]. Из отечественных трудов можно выделить междисциплинарную работу С.В. Коновченко «Власть, общество и печать в России». В центр внимания автор ставит прессу и интеллектуальные продукты коммуникативной системы Российской империи, отмечая, что именно конструктивное взаимодействие государства и социума обеспечивает успешность развития страны [3]. В регионально ориентированном исследовании Е.Н. Туманик рассмотрены взаимоотношения администрации Западной Сибири и проживавших здесь поляков с позиций интерпретации отношений как выстроенного в имперских условиях коммуникативного канала [4, с. 107–147].

Широкие возможности администрации в России изучаемого периода не позволяют вести речь о независимости судебной власти. Поэтому данный термин можно использовать условно, понимая под ним вид государственной власти, связанный с осуществлением специализированными органами государства правосудия [5, с. 375]. К упомянутым органам относились до реформы 13 мая 1896 г. окружной и губернский суды, а после реформы – мировой и окружной суды, а также начавший действовать с 1909 г. суд присяжных [6]. Поскольку на территории Тобольской и Томской губерний судебные преобразования рубежа XIX–XX вв. проводились на единых началах, отличных от политики судопроизводства и судоустройства в других регионах империи, территориальные рамки данной работы включают Западную Сибирь.

Под коммуникацией, согласно Г.Д. Лассуэллу, понимается процесс передачи информации, включающий адресанта, каналы, содержание, символы, эффектив-

ность. В данном случае инициаторами и адресатами информации являются общество и судебная власть, а каналом – местная периодическая печать¹.

В структуре западносибирской периодики, являвшейся средством коммуникации между обществом и судебной властью, безусловное большинство имели газеты. Представляется оправданным привлекать издания, длительность выхода которых дает основания судить о налаженной традиции контакта общества и власти. К ним можно отнести «Тобольские губернские ведомости» и «Томские губернские ведомости» – официальные издания, выходившие в 1857–1917 гг. Из неофициальных изданий изучались «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирская жизнь» (1894–1919), «Сибирский вестник» (1885–1905). Кроме того, значимые сюжеты прослеживаются в журнале «Сибирские вопросы» (1906–1913).

Коммуникация между судебной властью и обществом посредством периодической печати была двусторонней. Для судебных органов официальная печать являлась способом оповещения населения о предстоящих процессах, дублирующим повестки. Почти в каждом номере «Губернских ведомостей» печатались вызовы в суды. Эта информация предназначалась представителям разных социальных групп, указывались дело и статус его фигуранта (истец, ответчик, обвиняемый, свидетель, потерпевший).

Сложно определить «обратную реакцию» жителей Сибири на такие действия властей. Явка в суд была обязательной, несоблюдение требования по неуважительным причинам каралось наказаниями от штрафов до тюремного заключения. Поэтому в данном случае официальная пресса являлась в сочетании с другими механизмами эффективно действующим инструментом коммуникации.

Впервые рубрика «Из зала суда» появилась в «Сибирской газете», иногда в рамках раздела «Городские известия», в период нахождения на посту председателя Томского губернского суда Э.-Е. Баршевского (председатель губернского суда в 1880–1887 гг. – И. А.), вероятно, по его инициативе. Хотя в регионе тогда еще сохранялся письменный процесс с судебным докладом, ограниченными возможностями защиты, Баршевский, возможно, полагал, что необходимо информировать население о том, каким образом осуществляется правосудие. Затруднительно делать однозначные выводы, насколько достигали поставленной цели публикации отчетов о судебных заседаниях, включавшие подробные объяснения решения или приговора, перечисление томов и статей Свода законов Российской империи. Массивная описательно-мотивировочная часть, представленная для ознакомления читателям, должна была разрушать представление о том, что «попасть под суд» означало потерять состояние или свободу. Эти усилия власти вполне стыкуются с теорией о том, что основным двигателем модернизации и конструирования в России гражданского общества является государство.

¹ Лассуэли Г. Язык власти. URL: <http://gmarket.ru/laboratory/expertize/2006/880> (дата обращения 14.11.2011).

Большое количество текстов посвящалось самой системе правосудия. Вопрос состоит в том, кто был адресатом публикаций, касавшихся состояния судебной сферы региона. Представляется, он был «двойным». Прежде всего, это общество, которому юристы словно стремились объяснить все неудобства и трудности своей работы, а также показать, что они не могут нести ответственности за «дореформенное» правосудие, фактическое отсутствие адвокатуры, гласности и устности, отсутствие суда присяжных, а после 1896 г. – за небольшое количество камер мировых судей, вынужденное совмещение должностей, огромные размеры судебно-следственных участков, скудное финансирование. В действиях томского адвоката и издателя газеты «Сибирский вестник» В.П. Картамышева, не являвшегося представителем судебной власти, но постоянно с ней контактировавшего, прослеживается желание через имевшееся у него издание заниматься рекламой себя как специалиста. Квалифицированные статьи, посвященные анализу юстиции региона, а также возможность ее улучшения, часто находились на первой полосе². Картамышев критиковал местную адвокатуру – не только «подпольную», но и многочисленную легальную, чем способствовал увеличению своей клиентуры³.

Находившиеся на государственной службе юристы были более ограничены в публичном представлении своего мнения и доведении его до обывателей. И адвокаты заполняли эту лакуну, стараясь наладить через прессу коммуникацию между судебной властью и населением. Служащие по линии Министерства юстиции посредством печатного слова стремились передать сложность проблем, которые приводили к недостаткам в отправлении правосудия. Их активность по этому поводу стала очевидной после реформы 13 мая 1896 г. Представляется, что причиной этого являлось то, что мировыми судьями стали молодые люди, получившие юридическое образование в Европейской России или на недавно открытом соответствующем факультете Томского университета. Они были воспитаны в системе профессиональных ценностей, ставившей в центр внимания идеалы служения закону, обществу и правопорядку. Расхождение этих представлений с сибирскими реалиями заставляло юристов обращаться к печатному слову в надежде на понимание общества. На основании собственного опыта мировые судьи В.Н. Анучин и В. Европейцев доносили до местных жителей, что самих служителей закона не устраивает сложившееся положение вещей, что они сами страдают от нерационально проведенной реформы.

Создается даже впечатление о целенаправленном конструировании в прессе образа мирового судьи как великомученика. В цикле статей Анучина «Пасынки

² Судебные отголоски // Сиб. вестник. 1886. 1 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1885. 16 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1 марта; Томск, 9 мая // Там же. 1887. 10 мая; Томск, 13 нояб. // Там же. 1892. 13 нояб.; Томск, 22 февр. // Там же. 1886. 22 февр.; Томск, 28 февр. // Там же. 1889. 1 марта.

³ Судебные отголоски // Сиб. вестник. 1886. 1 мая; Судебные преобразования в Сибири // Там же. 1885. 1 марта; Паки и паки об адвокатах // Там же. 1893. 16 дек.

Фемиды» можно увидеть следы евангельского предания. Мировой судья одинок в борьбе с сутяжничеством сибиряков, опытными преступниками, усугубляемыми фактическим бездействием полиции. Это одиночество дополнялось отсутствием помощника-письмоводителя. Получалось, что мировой судья без поддержки, преодолевая множество трудностей (большие расстояния, сложные бытовые условия), несет правый суд жаждающему справедливости населению [7, с. 31]. Сибирские жители наделяли суд практически мессианскими чертами, особенно в сочетании с тем, что он был ожидаем; ожидания были положительными и исходили от лиц, которые уже не надеялись на правосудие, но реформа все изменила: «Заколыхался сибирский житель, увидев присланного симпатичного судью: брошенные жены, оставленные дети, забытые наследства, потерявшие сроки иски об увечьях – все это полилось на еще не седую голову молодого судьи» [8, с. 41]⁴. Обиженные возлагали свои надежды на право (т. е. фактически правду), на безгрешного (молодого) человека. Библейский сюжет проявляется и в ассоциировании массива жалоб, прошений и исков с всемирным потоком, но мировой судья с ним не справился не оттого, что приложил недостаточно усилий, а потому, что не в силах был противостоять системе. Дополнялся печальный образ «великомученика правосудия» крайне скудным жалованьем⁵.

Связанные с введением суда присяжных дискуссии посвящались практически одному вопросу: готово ли население к взаимодействию с судебной властью? Отвечая положительно, печать подготавливала будущую коммуникацию⁶. На понимание и помощь местных жителей судебная власть надеялась и при введении в Западной Сибири суда с участием присяжных. О том, что диалог между ними оказался налажен, сообщалось через периодическую печать. В «Сибирских вопросах» после завершения первых сессий приводились одобрительные слова председателя Томского окружного суда М.А. Подгоричани-Петровича: «В Европейской России присяжные заседатели сплошь и рядом не могут справиться с предлагаемыми им вопросами, отвечают на них невпопад и очень часто возвращаются в зал заседания с требованием разъяснений. С вами же, первозванными сибирскими присяжными заседателями[,] за десять дней настоящей сессии ничего подобного не случилось: вы схватывали на лету все, что было нужно[,] и выносили ответы, не нуждавшиеся в поправках и исправлении» [9, с. 39]. Такая положительная оценка со стороны высшего судебного чиновника губернии могла нацеливать общество на конструктивное сотрудничество с правосудием, принимать участие не только в сложном деле установления истины, но привлечения профессионалов для разрешения менее значимых, но

актуальных вопросов. В этом плане коммуникация судебной власти и общества через прессу является следствием успешного непосредственного взаимодействия уголовной палаты окружного суда и лиц, избранных для участия в отправлении правосудия.

Вторым адресатом можно назвать местную корпорацию юристов. Чиновники Министерства юстиции вступали в общение со своими коллегами по различным профессиональным и общественно значимым вопросам, тем самым подчеркивая заинтересованность и участие в жизни региона. Фактически они находились в состоянии публичной профессиональной дискуссии. Но это было более характерно для носителей «свободной» юридической профессии. Так произошло с изданиями «Сибирская газета» и «Сибирский вестник». В «Сибирской газете» сотрудничал кандидат права Ф.М. Тыжнов, который активно полемизировал с Картамышевым по ряду вопросов [10]. Серьезные расхождения у них имелись по поводу организации местной юстиции: Тыжнов отстаивал мировой суд в «чистом» варианте, а его оппонент вел речь о возможности и даже оптимальности для Сибири института земских начальников⁷. После реформы 1896 г., введшей в регионе Судебные уставы, точки зрения судебных деятелей на состояние правосудия края заметно сблизились. Кроме того, юристы различной специализации получили возможность для личного общения по профессиональным проблемам. Это взаимодействие происходило в рамках деятельности Юридического общества при Томском университете и консультации присяжных поверенных при Томском окружном суде. Поэтому публикации, исходившие от представителей судебной власти, начинают приобретать информативно-просветительский характер, адресованный именно населению.

Периодическая печать как средство взаимодействия власти и общества на рубеже XIX–XX вв. фокусировала в себе широкий спектр возможностей. Осуществляющиеся посредством нее коммуникации имели разнонаправленный характер. Наиболее достоверно можно судить о результативности коммуникации, происходившей по инициативе судебной власти через официальную прессу. Относительно иных вариантов взаимодействия по линии «общество – судебная власть» посредством печати можно вести речь, учитывая контекст времени и место происходившего процесса. Власть была заинтересована побудить общество использовать суд в качестве способа разрешения противоречий, однако не могла предоставить для этого полного пространства возможностей. Поэтому представляемые юристами статьи были словно ответом на вопросы обывателей о том, почему правосудие неудобно и недоступно. Судебные чиновники и адвокаты, ставшие в данном случае соратниками, старались объяснить местным жителям причины «векового неустройства». При этом выходившие из печати статьи могли готовить население к восприятию новых

⁴ *Европейцев В.* На сибирские темы: По поводу многочисленности дел у мировых судей // Сиб. отголоски. 1908. 23 марта.

⁵ *Сибирский В.* Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сиб. вестник. 1897. 17 дек.

⁶ О суде присяжных в Европейской России и ожиданиях Сибири // Сиб. жизнь. 1898. 11 марта; Хроника Сибири: к вопросу о введении суда присяжных в Сибири // Сиб. вестник. 1903. 25 янв.; Томская хроника: суд присяжных в Сибири // Сиб. жизнь. 1904. 7 нояб.

⁷ Томск, 1 января 1886 г. // Сиб. газета. 1886. 1 янв.; Городские известия // Там же. 17 мая; Томск, 20 апреля // Там же. 20 апр.; Судебные преобразования в Сибири // Сиб. вестник. 1885. 1 марта; Томск, 9 мая // Там же. 1887. 10 мая.

форм судебной власти, заранее формируя реакцию населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Н.Н. Взаимоотношения власти и общества в издании «Губернских ведомостей Западной Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №3, С. 23–27.
2. Шперлинг В. Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. СПб., 2004.
3. Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. Ростов н/Д, 2003.
4. Туманик Е.Н. Хроника повседневности и проблемы коммуникативного взаимодействия власти и общества по материалам прошений поляков Томской губернии за 1860–1861 гг. // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города 17–19 веков: сб. науч. статей. Новосибирск, 2008.
5. Конституционное право России: энциклопедия / под ред. В.И. Червонюка. М., 2002.
6. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009.
7. Анучин В. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50.
8. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4.
9. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50.
10. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.